

Г. Х. АНДЕРСЕН

ТЕКСТ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Снежная королева

Сказки

ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ

Правильное чтение

Ганс Андерсен

Снежная королева (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.113.4-34-93
ББК 84(4Дан)-44

Андерсен Г. Х.

Снежная королева (сборник) / Г. Х. Андерсен — «Эксмо»,
— (Правильное чтение)

ISBN 978-5-04-097659-1

В сборник вошли известные сказки Г. Х. Андерсена в классическом переводе А. и П. Ганзен: «Принцесса на горошине», «Новое платье короля», «Русалочка», «Свинопас», «Огниво», «Стойкий оловянный солдатик», «Снежная королева», «Оле-Лукойе».

УДК 821.113.4-34-93
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-097659-1

© Андерсен Г. Х.
© Эксмо

Содержание

Принцесса на горошине	6
Новое платье короля	9
Русалочка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ганс Христиан Андерсен Снежная королева

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и захотелось ему жениться на принцессе, но только самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашёл. Принцесс-то было сколько угодно, да были ли они настоящие? Так и вернулся принц домой ни с чем и загоревал – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молнии так и сверкали, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки туфель и вытекала из-под каблуков, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы проверим!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а поверх тюфяков набросала ещё двадцать перинок из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – вздохнула принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидели, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и перинок – такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней – наконец-то он не сомневался, что нашёл настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл. Знай, что это истинная история!

Новое платье короля

Много лет назад жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на новые платья все свои деньги. Парады, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и если о некоторых королях часто говорят: «Король в совете», то о нём говорили: «Король в гардеробной».

В том большом городе, где жил этот король, люди проводили время весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличается ещё удивительным свойством – становится невидимой для всякого человека, который не справляется со своими служебными обязанностями или же просто очень глуп.

«Да, вот это будет платье! – подумал король, когда услышал об этом. – Надену такое и сразу узнаю, кто из моих подданных не на своём месте и кто умён, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам много денег вперёд, чтобы они тотчас же принялись за работу.

Обманщики поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шёлку и чистейшего золота, всё это припрятывали в карманы и просиживали за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» – думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... всё-таки лучше сначала пошёл бы кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всем не терпелось поскорее узнать, очень ли глуп и плох сосед.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра, – решил король. – Уж он-то рассмотрит ткань: он умён и с честью занимает своё место».

И вот престарелый министр вошёл в зал, где за пустыми станками сидели обманщики.

«Господи, помилуй! – подумал министр, моргая. – Да ведь я ничего не вижу!»

Однако вслух он этого не сказал.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки. Бедный министр, как ни таращил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и видеть-то было нечего.

«Ах ты, господи! – подумал он. – Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси господь, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

– Что ж вы ничего не скажете нам? – нахально спросил один из ткачей.

– О, это прेमилло! – ответил старик-министр, глядя сквозь очки. – Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

– Рады стараться! – сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это королю.

Теперь обманщики стали требовать ещё больше денег, шёлку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной нитки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец и сам король пожелал полюбоваться диковинкой, пока она ещё не снята со станка.

С целю свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находился и министр, уже видевший ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

– Чудесно, не правда ли? – вскричал уже побывавший здесь министр. – Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок... а краски! – И он тыкал пальцем в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Что за ерунда! – подумал король. – Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

– О да, очень, очень мило! – сказал наконец король. – Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, – он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» – и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

– Замечательно! Чудесно! Превосходно! – только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей, чтобы всем было ясно, что они очень стараются кончить к сроку новое платье короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят её большими ножницами и потом шьют иглками без ниток.

– Ну вот, платье готово! – объявили они наконец.

Король в сопровождении свиты сам пришёл к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

– Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Лёгко, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

– Да, да! – говорили придворные, но они ничего не видели – нечего ведь было и видеть.

– А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! – сказали королю обманщики. – Мы оденем вас!

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто одну за другой подают ему разные принадлежности его нового туалета, потом – будто прикрепляют ему длинный шлейф. А король поворачивался во все стороны и вертелся перед зеркалом.

– Боже, как идёт! Как чудно сидит! – шептали в свите. – Какой узор, какие краски! Роскошный наряд!

– Балдахин ждёт! – доложил обер-церемониймейстер.

– Я готов! – отозвался король. – Хорошо ли сидит платье?

И он ещё раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с пола, и пошли за королём, вытягивая перед собой руки, – они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а люди, собравшиеся на улицах, говорили:

– Ах, какое красивое это новое платье короля! Как чудесно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно платье короля не вызывало ещё таких восторгов.

– Да ведь король голый! – закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

– Послушайте-ка, что говорит невинное дитя! – сказал его отец, и все стали шёпотом передавать друг другу слова ребёнка.

– Действительно, король совсем голый! Вот и мальчик говорит, что он совсем не одет! – закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

Король принял ещё более важный вид, и шествие продолжилось.

Русалочка

В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якоря не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки.

Не подумайте, что там только голый белый песок, – нет, на дне растут удивительные деревья и цветы, с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. В этой чаще шныряют маленькие и большие рыбы, точь-в-точь как у нас птицы в лесу. На самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с кровлей из раковин, которые то открываются, то закрываются, в зависимости от прилива и отлива. Это дивное зрелище, ибо в каждой раковине лежат блестящие жемчужины такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и царским хозяйством заправляла его старуха-мать, женщина умная, но очень гордившаяся своей знатностью, – на хвосте у неё сидела целая дюжина устриц, тогда как вельможам полагалось только по шести. Вообще же она была женщина достойная, особенно потому, что очень любила маленьких морских принцесс, своих внучек. Их было шестеро, и все прехорошенькие, а младшая – лучше всех: кожа у неё была нежная и прозрачная, как лепесток розы, а глаза синие, как глубокое море. Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, их заменял рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где на стенах росли живые цветы.

В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как в наши окна иной раз влетают ласточки. Рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из рук и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был разбит большой сад, в котором росло много огненно-красных и синих деревьев; их ветви и листья всегда колыхались, плоды сверкали, как золото, а цветы пылали, как костёр. Самая земля там была усыпана мелким песком цвета серного пламени, и потому дно морское отливало каким-то удивительным голубоватым блеском, – можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причём небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, венчик которого излучал свет.

В саду у каждой принцессы было своё местечко; тут они копали землю и сажали цветы, какие хотели. Одна сделала себе цветочную клумбу в виде кита; другой захотелось, чтобы её клумба походила на русалочку; а младшая сделала клумбу круглую, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странная девочка была эта русалочка – такая тихая, задумчивая... Другие сёстры украшали свои садики разными разностями, добытыми на затонувших кораблях, а в её саду были только алые цветы, похожие на далёкое солнце, да прекрасная статуя мальчика из чистого белого мрамора, упавшая на дно моря с какого-то погибшего судна. Русалочка посадила у статуи розовую плакучую иву, и она пышно разрослась: длинные тонкие ветви её, окутав статую, почти касались голубого песка, на котором колебалась их фиолетовая тень. Так вершина и корни, казалось, играли, пытаясь поцеловать друг друга.

Больше всего любила русалочка слушать про людей, что живут наверху, на земле, и бабушка должна была рассказывать ей всё, что только знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, – не то что здесь, в море! – что леса там зелёные, а рыбки, которые живут на земных деревьях, поют очень звонко и красиво. Бабушка называла «рыбками» птичек, иначе внучки не поняли бы её: они никогда в жизни не видели птиц.

– Как только одной из вас минет пятнадцать лет, – говорила бабушка, – ей разрешат подниматься на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли; она увидит земные леса и города.

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, а другим сёстрам – все они были погодки – приходилось ещё ждать того дня, когда им разрешат всплыть наверх; и дольше всех должна была ждать младшая. Но каждая обещала рассказать сёстрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, – им было мало рассказов бабушки и хотелось знать обо всём на свете как можно подробнее.

Никого так не тянуло на поверхность моря, как младшую сестру, тихую, задумчивую русалочку, которой пришлось ждать дольше всех.

Сколько ночей она провела у открытого окна, глядя вверх, сквозь синеву морской воды, в которой стаи рыбок шевелили своими плавниками и хвостами! Она даже могла разглядеть месяц и звёзды: они, конечно, светили совсем тускло, но зато казались гораздо крупнее, чем кажутся нам. Случалось, что их затмевало что-то вроде большой тучи, но русалочка знала, что это плывёт над нею кит или проходит корабль с толпами людей. Эти люди и не подозревали, что там, в глубине моря, стоит прелестная русалочка и протягивает к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего ей понравилось лежать при свете месяца на песчаной отмели и нежиться, любясь раскинувшимся на берегу городом: там, словно сотни звёзд, горели огни, играла музыка, тархтели повозки, шумели люди, высились колокольни и звонили колокола. Ей нельзя было попасть туда, потому-то её так и манило это зрелище.

Как жадно слушала её младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и глядя вверх сквозь тёмно-синюю воду, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей даже слышался колокольный звон.

Прошёл год, и второй сестре тоже позволили подняться на поверхность моря и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... тут у неё даже слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро летели по небу, но ещё быстрее мчалась к солнцу стая лебедей, похожая на длинную белую вуаль. Русалочка тоже было поплыла к солнцу, но оно погрузилось в море, а на воде и на облаках погас розовый отблеск.

Прошёл ещё год – и вынырнула третья сестра. Эта была смелее всех и поплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зелёные холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые красивыми рощами, в которых пели птицы. Солнце светило ярко и так припекало, что ей не раз пришлось нырнуть в воду, чтобы освежить пылающее лицо. В маленькой бухте плескалась целая толпа голеньких человеческих детей. Русалка хотела было поиграть с ними, но они испугались и убежали, а вместо них появился какой-то чёрный зверёк и принялся на неё тявкать, да так грозно, что она в страхе уплыла. Зверёк этот был просто-напросто собачкой, но русалка ведь ещё не видела собак. Вернувшись домой, она не пере-

ставала вспоминать чудесные леса, зелёные холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьих хвостов.

Четвёртая сестра оказалась не такой смелой – она держалась больше в открытом море и потом говорила, что это лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг только вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол. Большие корабли она видела только издали, и ей они казались похожими на чаек; вокруг неё играли и кувыркались забавные дельфины, а громадные киты пускали фонтаны из ноздрей.

Потом настал черёд пятой сестры; её день рождения был зимой, и она увидела то, чего не видели другие. Море теперь было зеленоватого цвета, повсюду плавали ледяные горы, похожие на огромные жемчужины, но только они были гораздо выше самых высоких колоколен, построенных людьми. Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую ледяную гору, и ветер развеивал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили эту гору стороной. К вечеру небо заволочло тучами, засверкала молния, загредел гром, и тёмное море принялось кидаться ледяными глыбами, которые ярко сверкали при красном свете молний. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и трепете, а русалка спокойно плыла вдаль, сидя на ледяной горе и любуясь на огненные зигзаги молний, которые, прорезав небо, падали в мерцающее море.

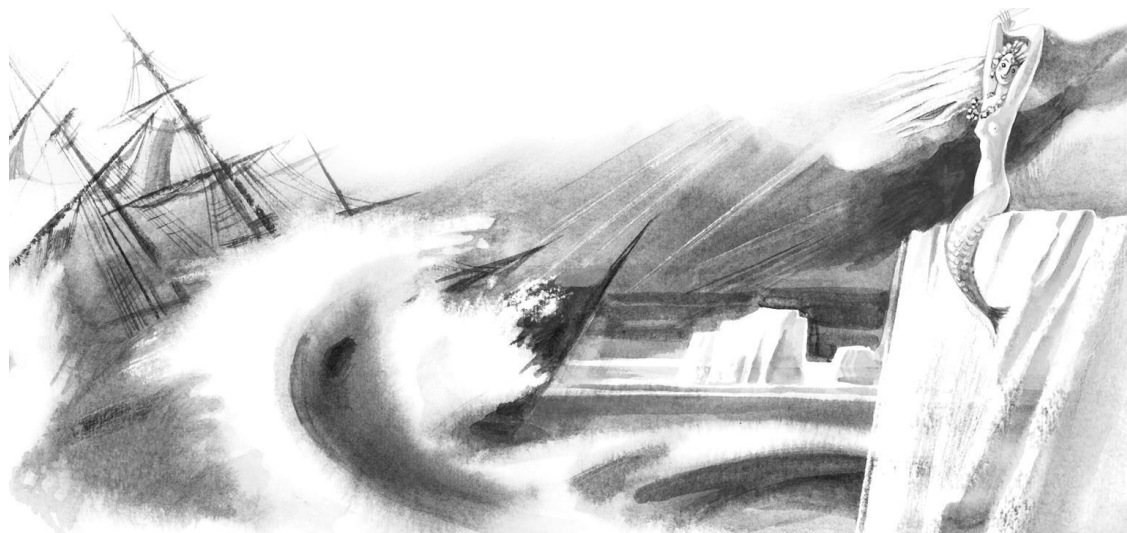
Да и все сёстры восхищались тем, что увидели впервые, – всё это было ново и потому нравилось им. Но когда они стали взрослыми девушками и им разрешили плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему, что видели, и спустя месяц стали уже говорить, что везде хорошо, но дома лучше.

По вечерам все пять сестёр поднимались рука об руку на поверхность воды. Они были одарены великолепными голосами, каких не бывает у людей, – и вот когда начиналась буря и опасность нависала над кораблями, русалки подплывали к ним и пели песни о чудесах подводного царства, уговаривая моряков не бояться попасть к ним на дно. Но моряки не могли разобрать слов – им казалось, что это просто шумит буря. Впрочем, если б они и попали на дно морское, им всё равно не удалось бы увидеть там никаких чудес, – ведь, когда корабль шёл на дно, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

В то время как русалки рука об руку всплывали на поверхность моря, младшая их сестра сидела одна-одинёшенька, глядя им вслед, и ей очень хотелось заплакать. Но русалки не могут плакать, и им от этого ещё тяжелее переносить страдания.

– Ах, если бы мне уже было пятнадцать лет! – говорила она. – Я знаю, что очень полюблю тот верхний мир и людей, которые в нём живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала ей бабушка, вдовствующая королева. – Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр.

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, каждый их лепесток был сделан из половинки жемчужины; потом приказала восьмерым устрицам прицепиться к её хвосту – это было знаком отличия её сана.

– Мне больно! – проговорила русалочка.

– Ради красоты стоит потерпеть! – изрекла старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венец – алые цветы из её садика шли ей гораздо больше. Но делать нечего!

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, как прозрачный пузырёк воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё пылали, пурпурные и золотые, и в розовом небе зажглась вечерняя звезда. Воздух был мягок и свеж, а море словно замерло. Неподальёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом – на море не было ни малейшего ветерка. На вантах и реях сидели матросы, с палубы доносились звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветили сотни разноцветных фонариков – казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к зеркальным иллюминаторам кают-компания и заглядывала туда всякий раз, как её приподнимала волна. В кают-компания собралось много нарядных людей, но красивее всех был черноглазый принц, юноша лет шестнадцати, не больше. В тот день праздновали его рождение, оттого-то на корабле и шло такое веселье. На палубе плясали матросы, а когда к ним вышел молодой принц, взвились сотни ракет, и стало светло, как днём, – русалочка даже испугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула головку, и ей почудилось, будто это звёздочки упали с неба к ней в море. Никогда ещё не видела она подобной игры огней: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили хвостами в воздухе – и всё это отражалось в недвижной светлой воде. На корабле же было так светло, что можно было различить канат в его снастях, а людей и подавно. Ах, до чего хорош собою был молодой принц! Он пожимал руки людям и улыбался, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца-принца. Разноцветные огни погасли, ракеты больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы – зато загудело и застонало само море.

Русалочка качалась на волнах рядом с кораблём, то и дело заглядывая в кают-компанию, а корабль мчался всё быстрее и быстрее, паруса развёртывались один за другим. Но вот началось волнение, сгустились тучи, и засверкала молния. Разыгралась буря, и матросы бросились убирать паруса. Сильная качка трепала огромный корабль, а ветер мчал его по бушующим волнам. Вокруг вырастали высокие чёрные водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами, но корабль, как лебедь, падал в бездну между водяными стенами, потом снова взлетал на валы, громоздящиеся друг на друга. Русалочке такое плавание очень нравилось, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски гнулись под сильными ударами, волны перекатывались через палубу. Вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лёг набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла, какая опасность грозит кораблю; ей и самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. Как темно вдруг стало, хоть глаз выколи! Но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех людей на корабле; каждый спасался, как мог. Она постаралась отыскать глазами принца и увидела,

когда корабль развалился, что юноша тонет. Сначала русалочка очень обрадовалась, поняв, что теперь он попадёт к ним на дно, но потом вспомнила, что люди в воде жить не могут и если он и попадёт во дворец её отца, то лишь мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, позабыв о том, что они в любую минуту могут её раздавить. Пришлось ей то нырять вглубь, то высоко взлетать вместе с волнами, но вот наконец она догнала принца, который уже почти выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю. Руки и ноги отказались ему служить, глаза закрылись, и он бы погиб, не явись на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и понеслась вместе с ним по воле волн.

К утру непогода стихла. От корабля не осталось и щепки, а солнце, красное и пылающее, опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живой румянец, но глаза юноши всё ещё не открывались.

Русалочка откинула мокрые волосы с его лба и поцеловала этот высокий, красивый лоб. Ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, украшающего её садик. Она поцеловала его снова и от всего сердца пожелала, чтобы он остался жив.

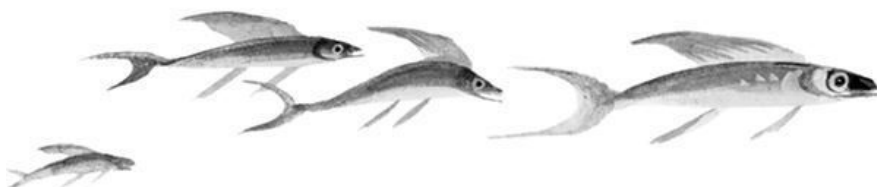
Наконец показался берег и вздымавшиеся на нём высокие синеватые, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. Внизу, у самого берега, зеленели густые леса, неподалёку высилось какое-то здание – видимо, церковь или монастырь. В саду, окружающем здание, росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот стояли высокие пальмы. Море вдавалось в белый песчаный берег небольшим глубоким заливом, где вода была совсем спокойна. Сюда-то и приплыла русалочка. Она положила принца на песок и позаботилась о том, чтобы голова его лежала повыше, освещённая тёплыми лучами солнца.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной – теперь никто не различил бы в этой пене её светлого личика – и стала ждать, не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла молодая девушка и сначала очень испугалась, но быстро успокоилась, созвала людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем тем, кто стоял вокруг него. А ей не улыбнулся – он ведь не знал, что это она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке. И когда принца увели в большое белое здание, она, печальная, нырнула в воду и уплыла домой.

Она всегда была тихой и задумчивой, а теперь стала ещё задумчивее. Сёстры спрашивали, что она видела на море, но она молчала.

Не раз, и вечером и утром, подплывала она к тому месту, где оставила принца; видела, как созрели и были сорваны плоды в садах, видела, как на высоких горах стаял снег, – но

принц не появлялся; и с каждым разом грустя всё больше и больше, она возвращалась домой. Единственной её отрадой было сидеть в своём садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца. За цветами она больше не ухаживала, они росли по своей воле, даже на дорожках, переплетаясь длинными стеблями и листьями с ветвями деревьев; и вскоре в запущенный садик совсем перестал проникать свет.

Наконец русалочка не выдержала – рассказала обо всём одной из своих сестёр; от неё о принце сейчас же узнали и все остальные сёстры. Но больше никто – не считая ещё двух-трёх русалок, которые никому об этом не говорили, кроме как самым близким своим подругам. Одна из русалок тоже видела и праздник на корабле, и самого принца и даже знала, где находятся его владения.

– Поплывём вместе, сестрица! – сказали русалочке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где находился дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах между колоннами, окружавшими всё здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь прозрачные стёкла высоких окон были видны роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавески, всюду были разостланы ковры, а стены украшали большие картины, которые так интересно было рассматривать. Посреди огромного зала журчал большой фонтан, и струи его били высоко-высоко под потолок. Потолок был в виде стеклянного купола, и лучи солнца проникали сквозь него внутрь, освещая воду и чудные растения, которые росли в обширном водоёме.

Теперь русалочка знала, где живёт принц; и вот она стала часто приплывать ко дворцу вечерами или ночью.

Ни одна из сестёр не осмеливалась так близко подплывать к земле, как младшая, – она вплывала даже в узкий канал, который протекал прямо под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца; а тот был уверен, что сидит при свете месяца в полном одиночестве.

Много раз видела русалочка, как он катается с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной реющими флагами. Она выглядывала из зарослей зелёного тростника, и если люди иной раз замечали её длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся на ветру, то принимали её за лебедя, расправляющего крылья.

Не раз также слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нём много хорошего. И русалочка, радуясь, что спасла ему жизнь, когда его, полумёртвого, швыряли волны, вспоминала о том, как крепко она прижимала тогда к груди

его голову и как нежно целовала его. А он ничего об этом не знал, она даже и присниться ему не могла.

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильнее и сильнее тянуло её к ним.

Их мир казался ей гораздо более широким, чем её мир: они могли переплывать море на своих кораблях, могли взбираться на высокие горы к самым облакам, а земли, которыми они владели, их леса и поля тянулись так далеко, что она не могла охватить их взглядом. Ей так хотелось побольше узнать о людях, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обратилась к бабушке. Старуха хорошо знала «высший мир», как она правильно называла землю, лежавшую над морем.

– А те люди, что не тонут, – спрашивала русалочка, – они живут вечно? Они не умирают, как умираем мы тут внизу, в море?

– Все нет! – отвечала старуха. – Они тоже умирают. И век их даже короче нашего. Но хоть мы и живём триста лет, а когда нам приходит конец, от нас остаётся лишь пена морская, и нет у нас могил наших близких, мы не одарены бессмертной душой, и наша русалочья жизнь кончается со смертью тела. Мы – как этот тростник: срезанный стебель его уже не зазеленеет вновь! А у людей есть душа, которая живёт вечно, она живёт и после того, как тело превратится в прах, и тогда улетает в прозрачную высь, к сверкающим звёздам. Как мы всплываем на поверхность моря и видим землю, где живут люди, так и они поднимаются в неведомые блаженные страны, которых нам не увидеть никогда!

– Ах, почему у нас нет бессмертной души! – грустно проговорила русалочка. – Я бы все свои сотни лет отдала за один день человеческой жизни, чтобы потом вкусить небесного блаженства.

– Что за вздор! – сказала старуха. – Ты об этом и не думай. Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле.

– Неужели и я после смерти превращусь в морскую пену и не услышу больше музыки волн, не увижу прекрасных цветов и огненного солнца? Неужели мне никак не удастся обрести вечную душу?

– Нет, – ответила бабушка. – Но если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если он отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и попросит священника соединить ваши руки – знак вечной верности друг другу, – тогда его душа перейдёт в твоё тело и ты тоже познаешь небесное блаженство, доступное людям. Этот человек вдохнёт в тебя душу и сохранит свою. Но с тобой этого никогда не будет: твой рыбий хвост, который у нас считается красивым, люди находят безобразным. Ведь они мало мыслят в красоте; по их мнению, нельзя быть красивым без двух неуклюжих подпорок – «ног», как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить да радоваться! – сказала старуха. – Повеселимся вволю свои триста лет, а это немалый срок! Тем слаще покажется нам отдых после смерти. Сегодня вечером у нас при дворе будет бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок громадного танцевального зала были из толстого, но прозрачного стекла, а вдоль стен рядами лежали сотни огромных розовых и травяно-зелёных раковин с голубыми огоньками внутри. Огни эти ярко освещали весь зал и, проникая сквозь стеклянные стены, озаряли самое море. Видно было,

как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, сверкающих то пурпурной, то золотистой или серебристой чешуёй.

Посреди зала вода мчалась широким потоком, и в ней танцевали водяные и русалки под своё чудесное пение. У людей таких дивных голосов не бывает. Русалочка пела лучше всех, и весь двор ей рукоплескал. На минуту ей стало весело, когда она подумала о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала вспоминать о надводном мире, о прекрасном принце и грустить о том, что у неё нет бессмертной души. Вскоре она незаметно выскользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своём садике; сквозь толщу воды к ней доносились звуки музыки. И она думала: «Вот он опять, наверное, катается в лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Мысленно я постоянно с ним, ему я охотно вверила бы своё счастье, всю свою жизнь! Ради него и бессмертной души я пошла бы на всё! Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда её боялась, но, может быть, она теперь что-нибудь посоветует и как-нибудь поможет мне».

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей ещё ни разу не приходилось плыть этой дорогой. Тут не росло ни цветов, ни даже водорослей, всюду был только голый серый песок. Вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колёсами, увлекая за собой в глубину всё, что встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между этими бурлящими водоворотами. Потом на пути к логову ведьмы ей встретилось ещё большее пространство, покрытое горячим пузырявшимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним показалось и жильё ведьмы, окружённое каким-то диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём были полипы – полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, выросших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам, а пальцы извивались, как черви. Полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими ветвями от корня до самой верхушки, гибкими щупальцами они впивались во всё, что только им попадалось, и уже не выпускали добычи. Русалочка испуганно остановилась, и сердце её застучало от страха.

Она уже готова была уплыть обратно, но вспомнила о принце, о бессмертной душе – и к ней вернулось мужество. Крепко обмотав вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не зацепили полипы, она скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между чудовищами, которые протягивали к ней свои извивающиеся щупальца. Она видела, до чего крепко, словно железными клещами, держали они всё, что удалось схватить: белые скелеты утопленников, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже одну русалочку: полипы поймали и задушили её. Это было, пожалуй, страшнее всего!

Но вот наша русалочка очутилась на болотистой лесной поляне, где кувыркались большие жирные водяные ужи, показывая своё противное светло-жёлтое брюхо. Посреди поляны стоял дом, выстроенный из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма, кормившая изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она называла «цыплятками» и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости затеваешь! Ну да я исполню твоё желание, потому что это принесёт тебе горе, красавица! Ты хочешь взамен рыбьего хвоста получить две подпорки и ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц тебя полюбил, а ты получила и его, и бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и безобразно, что и жаба и ужи свалились с неё и растянулись на песке.

– Ну ладно, пришла ты вовремя! – продолжала ведьма. – А приди ты завтра поутру, было бы уже поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше, чем в будущем году. Я приготовлю тебе питьё, а ты возмёшь его, подплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли. Тогда твой хвост раздвоится и превратится в две очаровательные, как скажут люди, ножки, но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато каждый, кто тебя увидит, скажет, что такой прелестной девушки он в жизни не видывал! Ты сохранишь свою лёгкую, скользящую походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но знай, что каждый твой шаг будет тебе причинять такую боль, как будто ты ступаешь по острым ножам, как будто кровь сочится из твоих ножек. Если ты согласна всё это вытерпеть, я тебе помогу.

– Да! – ответила русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

– Знай также, – продолжала ведьма, – что, если ты примешь человеческий образ, тебе уже не быть русалкой никогда. Ты больше не сможешь спускаться к сёстрам и во дворец отца. И если принц не полюбит тебя так, что ради тебя забудет отца и мать, если он не прилепится к тебе душой и телом и не попросит священника соединить ваши руки, чтобы вам стать мужем и женой, – ты не обретёшь бессмертной души. Если же он возьмёт в жены другую, то на первой же заре после их брака сердце твоё разорвётся на части и ты превратишься в морскую пену.

– Пусть! – проговорила русалочка и побледнела как смерть.

– Кроме того, ты должна заплатить мне за помощь! – сказала ведьма. – А я возьму не дёшево. Здесь, на дне морском, ни у кого нет голоса красивее твоего, и им ты надеешься обворожить принца, – но ты должна отдать свой голос мне. За свой драгоценный напиток я возьму самое лучшее, что у тебя есть: я ведь должна приправить этот напиток своей собственной кровью, для того чтобы он стал острый, как лезвие меча!

– Если ты возмёшь мой голос, что же у меня останется? – спросила русалочка.

– Твоё прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза – этого вполне достаточно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну, полно, не бойся: ты высунешь язычок, а я его отрежу в уплату за волшебный напиток.

– Пусть будет так! – сказала русалочка.

И ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей, потом расцарапала себе грудь, и чёрная кровь закапала в котёл, над которым вскоре за клубился пар, принимавший столь причудливые формы, что страшно было смотреть на него. Ведьма поминутно бросала в котёл всё новые и новые снадобья; и когда питьё закипело, послышались звуки, похожие на плач крокодила. Наконец зелье сварилось; на вид оно казалось прозрачной водой.

– На, бери! – буркнула ведьма, отдавая его русалочке, которая не могла больше ни петь, ни говорить. – Если полипы захотят тебя схватить, когда ты поплывёшь назад моим лесом, брызни на них только одну каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков.

Но русалочке это не понадобилось: полипы с ужасом отворачивались, едва завидев напиток, сверкавший в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она по лесу, миновала болотистую низину и бурлящие водовороты.

Но вот и отцовский дворец; огни в большом зале были потушены: вероятно, все уже спали. Русалочка не посмела войти во дворец – ведь она была немая и собиралась навеки покинуть отчий дом. Сердце её было готово разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад и, сорвав по цветку с клумбы каждой своей сестры, послала родным тысячу воздушных поцелуев, потом стала подниматься наверх сквозь толщу тёмно-голубой воды.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на нижнюю ступеньку великолепной мраморной лестницы, озарённой волшебным голубым сиянием месяца. Русалочка выпила огненный, острый напиток, и ей показалось, что её нежное тело пронзил обоюдоострый меч; она потеряла сознание и упала замертво. Очнулась она, когда над морем уже сияло солнце, и сразу ощутила жгучую боль; зато перед ней стоял юный красавец принц и смотрел на неё своими чёрными, как уголь, глазами. Русалочка потупилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у неё теперь выросли две восхитительные белые ножки, маленькие, как у девочки. Но она была совсем нагая и поскорее закуталась в свои длинные густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только грустно и кротко смотрела на него своими тёмно-голубыми глазами – говорить она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочке чудилось, будто она наступает на иглы или острые ножи; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем, лёгкая, светлая, как мыльный пузырёк; принц и все окружающие не могли надивиться на её прелестную скользкую походку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.